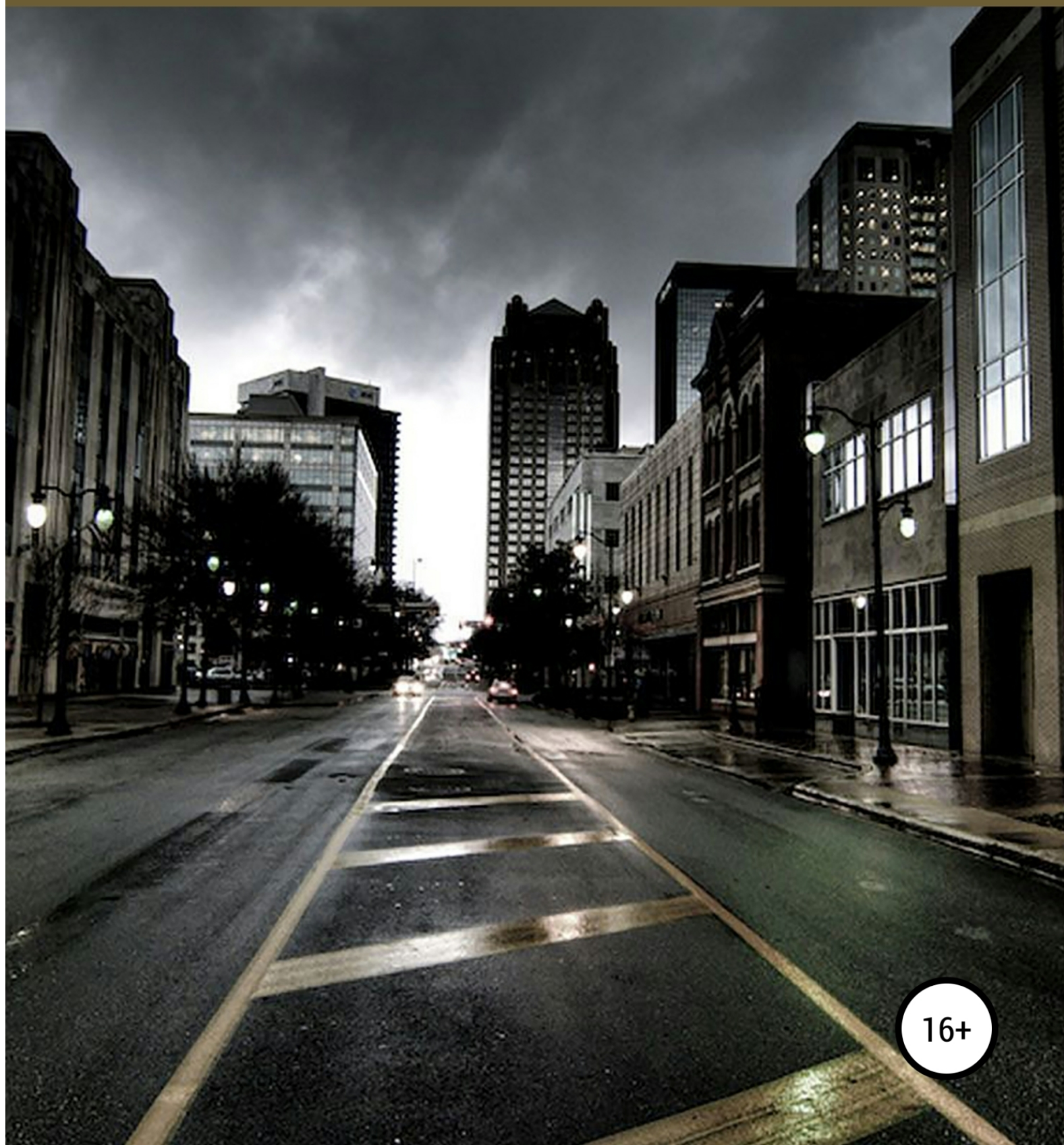

О. В. Фролов

*Облом, или Желаемое
торжество не состоялось*

16+

Олег Фролов

**Облом, или Желаемое
торжество не состоялось**

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Фролов О. В.

Облом, или Желаемое торжество не состоялось / О. В. Фролов —
«ЛитРес: Самиздат», 2010

ISBN 978-5-532-98858-3

Книга об офисных тайнах и интригах, предательстве и изменах, карьеризме и
многом другом...

ISBN 978-5-532-98858-3

© Фролов О. В., 2010
© ЛитРес: Самиздат, 2010

Содержание

I.	5
II.	7
III.	10
IV.	13
V.	15
VI.	18
VII.	21
VIII.	24
IX.	26
X.	29
XI.	31
XII.	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Олег Фролов

Облом, или Желаемое торжество не состоялось

I.

Зинаида Евдокимовна была вне себя, насладиться торжеством не удалось. Да и торжества-то не было. Она до последнего тешила себя надеждой на то, что он дрогнет, сдастся, начнет умолять о пощаде. Она ждала этого, но страшилась оставаться с ним один на один, потому-то и вызвала Шарикова, чтобы он, на всякий случай, присутствовал при разговоре. Кроме того, ей нужен был свидетель ее торжества и унижения толстокожего, готовый подтвердить, да, она знала это, и приукрасить происшедшее, распространить необходимый и положительный для нее слух. А также, подтвердить это и для Пустовойтова.

Шариков пришел, грузный, тяжело дышащий, сел, как она его и наставляла, за спиной его. Ей казалось, что она все просчитала, присутствие Шарикова за его спиной, по ее мнению должно было оказывать на него психологическое давление, да и в случае нужды, Глеб Константинович мог бы, и она также предварительно внушала ему это, применить к нему сзади, со спины физическую силу.

Но ничего этого не понадобилось, ничто не сработало. Ее ожидания не сбылись.

Как не пыталась она, сегодня, в очередной и одновременно в последний раз, подавить его волю и убежденность, обвиняя его в присутствии Глеба Константиновича во всем, что только приходило ей на ум, он оставался неизменно твердым, как она давно определила для себя «убежденно-упертым», «толстокожим».

До знакомства с ним ей не приходило в голову, что есть такие люди, которые готовы идти до конца, пожертвовать завидными должностью и работой, но остаться такими, какими их воспитали, не поступиться принципами.

Он оказался таким. Даже от его внешнего вида, манеры держаться, выстраивать разговор веяло чем-то неуловимо породистым, значимым и солидным. Он для нее – типичной представительницы советской «лимиты», был «баринном». Именно так она сначала за глаза, а потом, находясь во взвинченном состоянии, провоцируя на скандалы, несколько раз и при нем называла его. Он, в первый раз высказавший недоумение, в дальнейшем перестал реагировать, что еще больше бесило ее.

По мере того, как она узнавала его, слышала теплые, и, как она понимала, справедливые, зачастую, хвалебные отзывы о нем, в ней нарастала неприязнь к нему. Спокойный и уверенный, он все сильнее и сильнее раздражал ее, и ей все больше и больше хотелось унижить его, превратить его в глазах окружающих в нечто невзрачное, растерянное, боящееся слово сказать без ее одобрения.

Она специально давала ему одно поручение за другим, часто вне его должностных обязанностей, ожидая, что уж на этот раз-то он сорвется, откажется, наконец, просто попросит помощи. Но он не делал этого, наоборот, он успешно в установленные ею сроки выполнял порученное и, каждый раз было полной неожиданностью для нее, никогда не повторялся, предлагал и аргументировано отстаивал свои предложения, с которыми она, понимая, что так будет лучше в первую очередь для нее, вынужденно соглашалась. Даже здесь, он был умнее и сильнее ее, называемой за глаза «шефиной», гордившейся своим всемогуществом и одновременно жутко боящейся допустить ошибку.

Ее год от года все сильнее раздражало, что к нему, тянулись за советами и поддержкой сотрудники, что он не отказывал им, спокойно, не повышая голоса, объяснял и учил, правил документы, защищал сотрудников, будучи убежденным в их правоте, от ее нападков.

Она не могла не понимать, что, даже организованная ею при поддержке Пустовойтова, его искусственная изоляция, не удалось в полном объеме, он по-прежнему был популярен, и к нему, как доносили ей, по-прежнему, правда с оглядкой, заходили сотрудники, он по-прежнему выполнял свои должностные обязанности.

Да, насладиться торжеством не удалось. Он спокойно, внешне невозмутимо выслушал все, что она отрепетировала бессонной ночью, поставил свою подпись на принесенный и давно заготовленный Элкой Цыгановой приказ.

Более того, он и здесь переиграл ее, отказавшись удовлетворить ее требование о сдаче полиса ДМС в связи с тем, что не был предупрежден об этом заранее, и, пообещав принести его после. Для нее, и в мыслях не державшей, что после всего происшедшего, он может появиться в офисе еще раз, это было полной неожиданностью.

Как неожиданным было и то, что на вырвавшемся у нее: – Всего доброго, – он, молча, встал, посмотрел куда-то поверх ее головы и голов Шарикова и Цыгановой, повернулся и с прямой спиной вышел, как всегда аккуратно прикрыв за собой дверь.

Да, торжества не было, она понимала, что все ее усилия оказались тщетными, расставание не вернуло ей душевное спокойствие, она уже не та «шефиня», которой она была до встречи с ним, что ощущения незавершенности, собственной ущербности, да, и, она вынуждена была признать это, ощущение беспокойства с ней останутся навсегда.

Почему? В этом ей предстояло разобраться.

II.

Она хорошо помнит, как, несколько лет назад, весной, узнав, об увольнении Плахова – коллеги, равного ей по должности, она испугалась. Испугалась, предположив, что следующая будет она. Да, именно, она, поскольку знала, что мало чем отличалась от него: такая же неорганизованная, трусливая, чванливая, готовая на все, чтобы лишь удержаться на занимаемой должности. Новое время требовало новых людей, обладающими теми качествами, которых у нее и ее уже уволенного коллеги не было.

Она помнит, как испуганная, суетливо бежала она по пустому коридору офиса своего уволенного коллеги, и встретила его, Афанасьева – спокойного и уверенного, вышедшего ей навстречу из своего кабинета.

– Добрый день, Зинаида Евдокимовна, – поздоровался он с нею.

– Добрый, – буркнула она в ответ. – А, правда, а что Бориса Ефимовича уволили?

– Да.

– А где он?

– Его нет.

– Почему? – вырвалось у нее.

– Не знаю, очевидно, потому, что его уволили, – ответил он.

Она застыла, не зная, что сказать.

– Зинаида Евдокимовна, может быть. Вы пройдете в мой кабинет? – спросил он.

– Да.

Впервые попав к нему в кабинет, она огляделась: в отличие от ее, все в его небольшом рационально, даже аскетично, обставленном мебелью и оргтехникой кабинете было подчинено функциональности, все находилось под рукой.

– А почему Бориса Ефимовича уволили? – сев за приставной столик, продолжала задавать вопросы она.

– Не знаю, это не моя компетенция, – садясь напротив нее к приставному столику, ответил он.

Она, конечно, понимала, что он не может знать причину увольнения Бориса Ефимовича, но привыкшая собирать и распространять сплетни, надеялась, что он что-то все-таки сообщит ей.

– Ну, может, что-то слышали? – продолжила она.

– Зинаида Евдокимовна, Вы же знаете, какое сейчас время, – спокойно, прямо глядя ей в глаза, сказал он. – Причины могут быть различные.

– И все-таки? – продолжила настаивать она.

– Думаю, Вам это лучше узнать у самого Бориса Ефимовича. У Вас же есть его номер телефона? – ответил, как отрезал, он.

Естественно, у нее были номера и домашнего, и мобильного телефонов Плахова, они несколько раз перезванивались с ним, однако, из-за испуга, она даже не вспомнила о них.

– Да, – произнесла она и тут же продолжила – Так что-нибудь известно?

– То, что Борис Ефимович уволен с сегодняшнего дня.

– Я знаю это, – она начала кипятиться, – но почему?

– Зинаида Евдокимовна, я же сказал уже Вам, – все так же спокойно ответил он, – Вам это лучше узнать у него самого.

Не ожидавшая от него такого упорного нежелания «поделиться информацией», как она называла обмен сплетнями, она была удивлена и заинтригована, решив воспользоваться моментом и присмотреться к нему.

До этого, она несколько раз встречалась с ним на различных мероприятиях, слышала о нем одни положительные отзывы, была свидетелем того, как Светлана Аркадьевна и люди из ее окружения советовали Плахову больше прислушиваться к нему. Знала она и то, что во многом именно с ним Светлана Аркадьевна и ее окружение связывали успешную деятельность возглавляемой Плаховым организации.

– И как же теперь, после увольнения Бориса Ефимовича, будете работать?

– Как и прежде, по утвержденному плану.

– А дадут-то плану осуществиться?

– Думаю, да, в конце концов, можно будет его скорректировать или расширить.

– Есть силы-то?

– У нас хороший коллектив, обученный.

Услышав это, она невольно вспомнила свою организацию. – Мне бы такую уверенность, – подумала она.

– И как же это удалось?

Он спокойно, с примерами, стал рассказывать. Удивительно, но ей было интересно слушать его. Она даже как-то забыла о причине ее появления у него в кабинете.

– Я, наверное, заговорил Вас? – спросил он.

– Нет.

И, внезапно, как будто подчиняясь какому-то непонятному ей чувству, она стала рассказывать все последние события в ее организации, в центре которых, естественно, находилась она.

Он внимательно слушал, изредка задавая короткие, по самой сути рассказываемого ею, вопросы.

– Да, не легко Вам, Зинаида Евдокимовна. Не уже ли Ваши работники не знают того, что и как они должны делать?

– Да, они неумехи, лодыри, – отрезала она. – За ними глаз да глаз нужен!

– Так у Вас есть же три заместителя, что же они Вам не помогают?

Она промолчала. Не могла же она сказать ему, что не может положиться ни на кого из них, что она знает как рвется на ее место Суховой – ее первый заместитель, как боится она, что назначенный вопреки ее мнению недавно еще один ее первый заместитель – Товаров – это ее возможный преемник. Не могла она сказать ему и то, что и она, и каждый из них озабочены лишь одним: сохранением должности и дальнейшим карьерным ростом.

– А Вы, не хотели бы пойти ко мне заместителем? – решив перехватить инициативу, задала она вопрос.

– Да, я как-то об этом и не думал, – ответил он. – Я и здесь на своем месте.

– У нас больше перспектив и возможностей.

– Понятно. Но, честно говоря, я не думал о переходе.

– Подумайте. Мне как раз нужен такой заместитель, – произнося это, она была твердо уверена в правильности ее предложения.

Действительно, он будет новым человеком в организации, никого и ничего про специфику работы не знает, значит, не примкнет ни к кому из ее заместителей, а уж она сумеет так поставить дело, что он будет плясать под ее дудку! И не таких обламывали.

– Подумайте, – еще раз повторила она.

– Спасибо, но нельзя не учесть и мнение Светланы Аркадьевны – неожиданно сказал он.

Во, как вывернул! – изумилась она. Вот что значит, опыт! Зря я ему это предложила, естественно, Хорошилина поддержит его кандидатуру, не зря же она все время говорит ей, что у нее в организации нет порядка, а он – известный организатор. Ей не хотелось, чтобы Хорошилина вмешивалась, она хотела, чтобы его назначение он связывал только с ней, а не с Хорошилиной.

– Ну, хорошо, – она встала. – Я сообщу.

– Спасибо.

Он проводил ее до двери кабинета.

– До свидания.

Она, сделав вид, что не расслышала, не ответила и почти побежала по коридору, решив для себя, что, конечно, она не будет разговаривать о его переводе с Хорошилиной, а сам он, в этом она была уверена, не пойдет к Хорошилиной с такой просьбой.

III.

После того разговора прошло более полугодя. Он никак не напоминал ей о состоявшемся разговоре. У него был новый начальник, они, вроде, с ним ладили. У нее же все более обострялись отношения со Светланой Аркадьевной и ее окружением, да, и Павлина Харитоньевна, ее первый заместитель, тесно связанная со Светланой Аркадьевной, становилась все более активной и независимой от нее.

Светлана Аркадьевна все чаще высказывала недовольство деятельностью ее организацией. Зинаида Евдокимовна понимала, что это не придирки, а справедливые замечания, и она хваталась за все, но не успевала, срывалась на крик, угрожая подчиненным, но положение не менялось. До нее стали доходить слухи о возможном ее увольнении и назначении на ее место или Суховей, или Товарова.

И вот тогда-то она вспомнила о нём.

Но она боялась начинать разговор с Хорошилиной о его переходе в возглавляемую ею организацию, резонно полагая, что та может или отказать ей в этом, или, что для Зинаиды Евдокимовны, возможно, было еще хуже, высказать ей все о ее стиле работы и беспорядке в возглавляемой ею организации. А там, глядишь, и предложить ей в конце разговора уволиться. Ужас! Всякий раз, как только, Зинаида Евдокимовна думала о возможности увольнения, по ней пробегала нервная дрожь, тело холодело и покрывалось мурашками.

И она выжидала и выжидала, понимая, что чем больше времени она тянет, тем больше сгущаются над ее головой тучи.

На ее счастье, ей помогла начавшаяся по указанию Коренева реорганизация. Такую возможность она упустить не могла, и, задолго до установленного распоряжением Коренева срока, предоставляя на согласование Хорошилиной проекты новой структуры и штатного расписания организации, намеренно привлекла ее внимание к необходимости введения еще одной должности заместителя.

– Зачем? Итак, уже три зама есть, – выслушав ее, недоуменно спросила Хорошилина.

– Светлана Аркадьевна, Вы же знаете, Михаил Константинович требует, чтобы везде был порядок, – выдала заранее заготовленную фразу Зинаида Евдокимовна.

– Знаю. Вот и наводите вместе с имеющимися замами.

– Но у нас большой объем работы, мы едва успеваем весь его делать, Вы, же, знаете.

– Меньше надо разговаривать, да разъезжать, тогда будете успевать все.

– Мы... – Зинаида Евдокимовна испугалась, расценив это как прозрачный намек на нее, ее постоянные метания от одного коллеги к другому в попытках узнать что-либо о возможных изменениях, заручиться какой ни какой поддержкой на всякий случай. – Мы ... стараемся ...

– Что-то плохо стараетесь ...

– Поэтому я и прошу Вас согласовать должность еще одного заместителя. Поверьте, так будет лучше для дела.

– Не знаю, не знаю ... – как-то задумчиво произнесла Светлана Аркадьевна.

– Ну, я прошу Вас, согласуйте.

– Я подумаю, – также задумчиво сказала Светлана Аркадьевна. – А, кстати, есть какая-то кандидатура на примете?

Зинаида Евдокимовна насторожилась: сейчас или ...? А, вдруг, не получится?

– Я хотела бы посоветоваться с Вами, – осторожно начала она. – Возможно, у Вас будут пожелания ...

– Возможно ... – улыбнулась Светлана Аркадьевна. – Ну, так кто?

– Афанасьев!

– Кирилл Петрович? – Светлана Аркадьевна пристально посмотрела на нее.

– Он.

– Но, он, же, на своем месте, сработался с новым начальником. Емелин хорошо отзывается о нем.

Все! – решила Зинаида Евдокимовна. – Облом, откажет, все пропало. Мурашки поползли по ее телу.

– Ну, если не Афанасьев, то, может быть, Вы кого-нибудь порекомендуете ... – отступая, произнесла она.

– Я подумаю, – повторила Светлана Аркадьевна, откладывая проекты новой структуры и штатного расписания на край стола. – Подумайте и Вы. До свидания.

Аудиенция была закончена.

Зинаида Евдокимовна так и не поняла, о чем же ей надо подумать, поэтому решила не поднимать больше этот вопрос, тем более, что время до утверждения новой структуры и штатного расписания было еще много: около двух недель.

Через неделю она встретила Афанасьева на еженедельном совещании у Хорошилиной. Емелин был в командировке и Кирилл Петрович участвовал в совещании вместо него.

После совещания Хорошилина попросила ее задержаться.

Опять будет говорить, что мы не выполнили порученное, – неприязненно подумала Зинаида Евдокимовна. – Ну не выполнили, так выполним, я же не могу за всех все делать, мои лодыри и неумехи без кнута и с места не двинутся. Думая так, она, конечно, прекрасно понимала, что дело не в лодырях и неумехах, а в том, что она давно потеряла управление происходящим в организации. Поглощенная борьбой за выживание, она пустила дело на самотек, правда время от времени спохватывалась, и криком и угрозами добивалась необходимых результатов. Но через некоторое время все повторялось...

– Не передумали? – огорошила ее вопросом Хорошилина.

– Извините, Светлана Аркадьевна, я не понимаю, о чем Вы спрашиваете?

– Об Афанасьеве.

Это было полной неожиданностью для Зинаиды Евдокимовны. Надо, же, ожидала одно, а разговор о другом.

– Я думаю, Вы правы, – вспомнив предыдущий разговор, нашлась Зинаида Евдокимовна. – Афанасьев пусть работает там, где работает.

– Да? А Вы говорили с ним?

– Говорила, – самоуверенно ответила Зинаида Евдокимовна. Да и откуда, – подумала она, – откуда Хорошилина может знать, что я с ним уже больше полугода на эту, да, и другие темы не говорила.

– И что же?

– Он не хочет.

Светлана Аркадьевна пристально посмотрела ей в глаза, Зинаида Евдокимовна потупилась.

– Пригласите Кирилла Петровича, – нажав на кнопку селектора, сказала Хорошилина.

Он вошел, Зинаида Евдокимовна не смела поднять голову.

– Присаживайтесь, Кирилл Петрович, – пригласила Светлана Аркадьевна.

– Спасибо, – он сел к столу, положив перед собой сцепленные пальцы рук.

– Как Вы смотрите на переход в организацию Зинаиды Евдокимовны?

– Если мне будет оказано доверие, то положительно, – с достоинством произнес он, взглянув на опущенную голову Зинаиды Евдокимовны.

– Так вот... – Светлана Аркадьевна сделала паузу, – принято решение: Вы назначаетесь заместителем Зинаиды Евдокимовны. Поздравляю!

– Спасибо.

– Там дел много, организационные вопросы требуют скорейшего решения, поэтому Вам и карты в руки, – Светлана Аркадьевна повернулась к еле скрывавшей свое изумление Зинаиде Евдокимовне. – Вы поняли, что Кирилл Петрович отныне Ваш заместитель?

– Да, – Зинаида Евдокимовна все еще не могла оправиться от изумления.

– Тогда обстоятельно введите его в курс дела, а Вы, Кирилл Петрович, – Светлана Аркадьевна, улыбнувшись, посмотрела на него, – приступайте к работе в новой должности.

Попрощавшись с Хорошилиной, они вышли из ее кабинета и разъехались каждый на своем автомобиле...

Удивленная происшедшим, Зинаида Евдокимовна и предполагать не могла чем обернется назначение Афанасьева на эту должность, и какую роль в дальнейшем сыграет его начальник – Емелин Константин Михайлович.

IV.

Когда она, пробежавшись по кабинетам с целью узнать последние сплетни, вернулась в офис, встретившая ее в приемной, Томка сообщила, что ей несколько раз звонил Емелин. Странно – подумала Зинаида Евдокимовна, – очень странно. Емелин, с момента его назначения вместо Плахова, везде, где только он мог, позиционировавший себя как члена команды, пришедшей с Корневым, все это время подчеркнуто дистанцировался от нее, и, как ей передавали, неоднократно не лестно высказывался о ней и ее организации.

Не успела она войти в кабинет, как раздался телефонный звонок.

– Возьми трубку! – крикнула она Томке.

Томка, наполовину просунувшись в незакрытую Зинаидой Евдокимовной дверь, сказала: – Это опять он, Емелин.

Зинаида Евдокимовна подняла трубку телефона.

– Ты что творишь? – не здороваясь, начал Емелин. – Ты, что делаешь, а?

– А, в чем дело? – всполошилась она.

– В чем? Да, мне позвонил Афанасьев и сообщил, что переходит к тебе замом.

– А, Константин Михайлович, – она успокоилась, – так Вы об этом? А разве Вы не знали?

– Конечно, не знал. Ты зачем переманиваешь кадры?

– Да, я и не переманиваю. Для меня самой это было неожиданно.

– Не ври, – грубо оборвал он ее.

– Я и не вру, – она почувствовала, что заводится, – ты словами-то не разбрасывайся. Я, ведь, и ответить могу ...

Она, действительно, редко подбирала слова, общаясь с равными ей по должности, не говоря, уж, о ее подчиненных, которые для нее были Элками, Томками, Ирками, Тимками и которым, за редким исключением, она постоянно тыкала ... Об их именах и отчествах она вспоминала только тогда, когда ей это было нужно. Вот и сейчас, интуитивно почувствовав, что Емелин – одного с ней поля ягода, что работая без году неделя, он боится остаться без заместителя, везшего на себе весь груз черновой, организационной работы, она перешла с ним на ты.

– Ну, ладно, ладно ... – сбавил он обороты, – Ну, ты пойми, не могу я сейчас его отпустить

...

– Ничего, приедешь из командировки, тогда ...

– Нет.

– Ну, как нет, – чувствуя свое превосходство, она решила уколоть его. – Как нет, если Хорошилина ...

– Это ничего не значит, – отрезал он. – Есть Корнев ...

Она поняла, что он раскусил ее, и в ответ опять позиционирует себя как члена команды, пришедшей с Корневым.

– Назначение, наверняка, согласовано с Михаилом Константиновичем – не настаивая, как бы размышляя, произнесла она.

– Конечно, – сообразив, о чем она, ответил он. – А, может, дата перехода-то еще не определена? Хорошилина ее называла?

– Нет. Но я поняла, – она решила подстраховаться, – что вопрос решен, и Афанасьев может приступить немедленно.

– Так, называла? – дожал ее он. – Или нет?

– Нет.

– Ну, тогда так: ты его к себе не приглашай, кабинет не выделяй, а придет сам – найди причину, вообще, потяни время. Поняла?

– Поняла. – А как долго, вдруг Хорошилина спросит?

– Вот завтра приеду, поговорю, сама знаешь с кем, и все станет ясно ... Пока, – он прекратил разговор.

Она понимала, что он сделал ее крайней. Если то, о чем они договорились, дойдет до Хорошилиной, она ей это не простит, и тогда, прощай должность, конец карьере. Но, с другой стороны, и тут Зинаида Евдокимовна повеселела: конечно, Емелин пойдет на все, чтобы задержать переход Афанасьева, а раз так, то удастся ему или не удастся, она в выигрыше.

Во-первых, и это немаловажно, после этого Емелин будет повязан с ней, значит, если понадобится, она может попытаться использовать его в своих интересах. Во-вторых, если удастся то, что она поняла из телефонного разговора, то Хорошилина получит по носу. И, в-третьих, она, Зинаида Евдокимовна Трусуна, не зависимо от результатов, становится необходимой Афанасьеву, и, значит, она получает зама, который будет ориентирован только на нее, ну, а уж, она-то придумает как использовать его, особенно, в борьбе с первыми заместителями.

Главное не ошибиться, сделать все, о чем договорились с Емелиным.

Она вызвала Томку.

– Если придет или позвонит Афанасьев, скажи ему, что я очень занята. Поняла?

– Поняла. А кто это?

– Не твоего ума дело. Узнаешь фамилию, так и скажешь, как я велю.

– Хорошо.

– Да, мой мобильный ему не давай.

– Ясно.

– Иди.

Томка пошла к двери из кабинета.

– Нет, стой, – Зинаиду Евдокимовну осенило. – Завтра меня весь день не будет, возможно и послезавтра ...

– Но у Вас завтра назначены две встречи.

– Перенесешь!

– На какое?

– Откуда я знаю, на какое! – вспыхнула Зинаида Ефимовна. – Придумай сама.

– Ладно, но Вы, уж, тогда ...

– Что я тогда?

– Нет, ничего, – пошла на попятный Томка. – Я хотела сказать, может быть, Вы сами установите даты и время?

– Некогда мне. Посмотри в моем календаре, выбери и завтра мне по мобильному сообщи. Поняла?

– Поняла.

– Все. Я уезжаю. Да, если позвонит Емелин, дай ему мой номер мобильного. И помни, что я тебе сказала про Афанасьева!

Она действительно уехала, не желая встречи и объяснения с Афанасьевым, и понимая, что надо выждать.

... Вечером следующего дня ей на мобильный позвонил расстроенный Емелин. Дату перевода удалось оттянуть только на неделю.

Зинаида Евдокимовна ликовала ...

V.

Афанасьев поразительно быстро для нее вошел в курс дела. Первые результаты его деятельности она почувствовала примерно через неделю, когда впервые на еженедельном совещании Хорошилина отметила, что у возглавляемой Зинаидой Евдокимовной организации нет просроченных документов и неисполненных в срок поручений.

При этом Зинаида Евдокимовна заметила, как посмотрел на нее Емелин, которому, перед этим пришлось объяснять причину не предоставления отчета о результатах работы его организации.

Выйдя из кабинета Хорошилиной, Емелин спросил у Зинаиды Евдокимовны: – А где же твои папки?

Папки – это несколько папок с поступившими документами и корреспонденцией, которые она постоянно носила с собой. Первоначально она брала их для того, чтобы соответствовать выдуманному ею имиджу деловой женщины, считая, что наличие у нее в руках папок с документами как никогда лучше характеризует ее работоспособность. Со временем, папки превратились для нее в место складирования не то, что не прочитанной ею, но даже не просмотренной почты. Они были для нее своего рода справочником, листая который она могла бы найти то, что ей было нужно к очередному совещанию, чтобы потом, вернувшись в офис устроить разгон подчиненным, обвиняя их в том, что они ей не напомнили или не выполнили в срок.

Папок у нее действительно не было, она передала их Афанасьеву в первый же день его работы. Он не только прочитал скопившуюся в них почту, но и расписал поручения всем, кого они касались, взял их выполнение на контроль, ежедневно отслеживая предоставление ей необходимой информации.

– Как видишь, нет, – она развела руками. – Хватит, потаскала, пусть теперь Афанасьев их читает.

– Ну, и как он тебе? – поинтересовался Емелин.

– Работает.

– Я знаю это, – недовольно поморщился Емелин. – Как работает-то?

У нее не было желания посвящать его в то, что происходит в ее организации: не известно, как, бы он мог использовать эту информацию, и она коротко ответила: – Хорошо работает!

– А чем занимается?

– Всем.

– Как всем?

– Всем, что я ему поручила, – не желая продолжать эту тему, она спросила: – А как у тебя-то?

– Как, как! – вспыхнул он. – Сама же сегодня слышала.

– Слышала, – пытаюсь скрыть насмешливую улыбку, она отвернулась. – Бывает ...

– Бывает ... – повторил Емелин. – Но, ничего, скоро закончится ...

– Ты о чем?

– Да, так, о своем ... Прощай, если что, созвонимся!

– Ладно.

Она села в машину. Кажется, ей действительно повезло с Афанасьевым, надо бы еще добавить ему обязанностей, поукоротить пыл Суховей и Товарова, столкнуть их с ним, пусть поймут, что не на них земля держится... А, уж, из него-то, она все соки выжмет! Чему-чему, а этому она, карабкаясь из своей деревни в начальство, хорошо научилась.

В офисе она собрала совещание и, никого заранее не предупреждая, всем объявила, что начиная с сегодняшнего дня, вся почта и все бумаги, которые ей готовят, должны предварительно предоставляться Афанасьеву и только после него передаваться ей.

Первой не выдержала Суховой: – Все?

– Да, Павлина Харитоньевна, все.

– Все, все?

– Все, кроме личных, – уточнила Зинаида Евдокимовна.

– А договора? – спросил Товаров.

– Ну, – он замялась, не очень-то ей хотелось кого-либо посвящать в их содержание, да, и их подготовку и все, что было с ними связано, – договора тоже не надо. Вы, Павел Трофимович, занимайтесь ими в соответствии с Вашими обязанностями. А Павлина Харитоньевна – со своими. В общем, договора остаются у тех, кому поручено...

Ей была интересна реакция Афанасьева на новое и неожиданное для него поручение, но он и глазом не повел, отнесся к нему совершенно спокойно, как ей показалось, а она внимательно искоса наблюдала за ним все совещание, безразлично.

– Неужели он не понял, какой это дополнительный объем работы, да еще не прописанный в его должностной инструкции? – подумала она. Нет, не понять этого он с его опытом аппаратной работы не мог. Тогда почему он так спокоен? Что же выходит, он так уверен в своих силах, что даже не попытался отговориться? – она почувствовала, как что-то похожее на зависть и одновременно неприязнь возникло в ней. Пожалуй, никогда раньше не испытывала она зависть к подчиненному. Такое с ней было впервые.

Нет, конечно, завидовать она всегда завидовала и завидует: мужчинам и женщинам, занимающим вышестоящие должности, красиво одетым и причесанным женщинам, украшенным драгоценностями, сопровождаемым кавалерами. Но завидовать деловым качествам подчиненного – это, уж, слишком. Она понимала это, но никак, и это особенно злило ее, никак не могла побороть зависть к Афанасьеву. Она почти физически ощущала, как накатывает на нее волна неприязни, вызванная возникшей завистью.

Чтобы, как-то разрядиться, она в привычном для нее стиле обрушилась на Карьерова, разнося его за не очень существенную задержку предоставления проекта не очень необходимого в нынешних условиях, проще говоря «не горящего» документа.

Управление, которое возглавлял Карьеров, ранее, до Афанасьева, курировала она сама. Она догадывалась, еще до того, как однажды Карьеров сам ей об этом сказал, что он метит в ее заместители и готов на все, чтобы занять эту должность. Ей нравилась его готовность без возражений выполнять либо ее требование, но одновременно, пугала его неразборчивость в применяемых им средствах, пугала потому, что она сама была такой же и знала на что способна... Она понимала, что поговорка: мягко стелет, да жестко спит – это про него, да и про нее тоже. Но, он, пожалуй, был даже более хитрым, чем она. Она боялась, что стань он ее замом, он со временем подсядет ее, и так находящуюся в непрерывной борьбе с Суховой, а с некоторых пор и с Товаровым.

Но такой он был нужен ей, поэтому она преднамеренно переподчинила его управление от себя Афанасьеву: пусть поучится, да заодно присмотрит за новым заместителем. А там посмотрим...

Разнося Яшку, она внимательно наблюдала за реакцией Афанасьева, уверенная, что он не мог не понимать, что это относится к нему. Ей было интересно, как он поведет себя в этой ситуации, она хотела понять: сдаст он Карьерова или нет. Это был, неоднократно, ранее используемый ею тест, позволяющий понять сущность человека.

– Зинаида Евдокимовна, – обратился к ней Афанасьев, когда она остановилась перевести дух, – Я видел проект документа, о котором Вы говорите, и просил Якова Романовича оставить его мне для некоторой доработки. Завтра проект будет у Вас на столе.

– Да? – не сдержалась она, обращаясь к Карьерову.

– Да, это так, – не глядя на нее, потупив взор, сказал Карьеров. – Завтра ...

– Точно?

– Зинаида Евдокимовна, – Афанасьев взглянул на, сидящего с опущенной головой, Карьерова, – точно соответствии с Вашим сегодняшним поручением мне, завтра утром проект будет у Вас.

– Ну, хорошо. Все свободны. Совещание закончено.

Почему Афанасьев не сдал, а мог бы сдать Карьерова? – для нее это было сначала непонятно. Но вдумавшись, она, привыкшая к постоянным подставам, готовая использовать любой повод для укрепления своих позиций, вдруг поняла для себя, что Афанасьев, выручив Карьерова, заработал и у него и у участвующих в совещании очки, очки в свою пользу.

Да, не прост, ой, не прост, оказался Афанасьев! Ну, ничего, обламаю, – убеждала себя Зинаида Евдокимовна, но что-то ей говорило, что это как-то не так. Неприязнь поутихла, но осадок остался ...

VI.

Она, продолжая сталкивать его со своими первыми заместителями, решила максимально нагрузить его работой, одновременно рассчитывая добиться от него желаемого ей результата.

Для начала она, будучи формально, поскольку у нее не было ни необходимых знаний, ни желания, руководителем рабочей группы организации по подготовке проекта долгосрочной финансовой политики, освободила Суховой от фактического руководства ею. Афанасьев стал выполнять в рабочей группе на только функции Суховой, но и начал представлять результаты деятельности этой группы в комиссии, созданной по распоряжению Коренева.

Почти одновременно, Зинаида Евдокимовна освободила Товарова от председательства в комиссии, игравшей большое значение в формировании имиджа организации, поставив вместо него опять-таки Афанасьева.

На их удивленные вопросы о причинах таких изменений, она коротко ответила, что решила разгрузить их, чтобы они сосредоточились на своих непосредственных обязанностях.

Но, к ее удивлению, Афанасьев не только сохранял ровные, уважительные отношения с Суховой и Товаровым, но и в беседах с нею хорошо отзывался о них. Да, и они не высказывали каких либо замечаний в его адрес. Со временем это ее начало пугать, она начала подозревать, что они сговорились против нее ...

А между тем, результаты работы Афанасьева с этими комиссиями были успешными: проект долгосрочной финансовой политики был утвержден, имидж организации улучшался. Она понимала, что все это укрепляет ее позиции, но, в то же время, не могла не понимать, что это укрепляет позиции и Афанасьева.

Авторитет его рос. Как доносили ей те немногие из сотрудников, которые по тем или иным, обычно финансовым и дисциплинарным, причинам были обязаны ей, сотрудники организации все чаще и чаще, прежде чем что-то предложить, стали заходить к нему. Он никому не отказывал, выслушивал, советовал, а иногда и просто брал ручку и правил текст.

Такого она не делала никогда и, поэтому такой стиль его работы все больше раздражал ее. Если ее боялись, то его уважали ... Она начала задумываться, а не слишком ли большие полномочия дала она ему, но одновременно понимала, что кроме него никто бы не стал тянуть такой воз ...

– Должен же он, наконец, сорваться, – думала она. – Должен же взбрыкнуть. Взбрыкнет, вот тогда я уж ...

Но он не взбрыкивал. И она решила возложить на него задачу подготовки корпоративных мероприятий, особенно праздников. Их подготовка и проведение всегда были тяжелой ношей для нее, боязнь не справиться, провалить мероприятие постоянно преследовала ее, вынуждая ее срывать на заместителях и сотрудниках. Охваченная паникой, она была способна на любые действия, доводя сотрудников до нервных срывов, наиболее частым проявлением которых, были слезы женщин.

Преодолеть панические настроения ей помогало обязательное застолье после любого мероприятия. Здесь она расслаблялась, потягивая красное вино, играла роль хозяйки, поддерживающей разговор, сплетничающей и язвящей относительно кого-либо. Объектом для этого мог стать любой или любая, кого она выбирала по собственному усмотрению.

Афанасьев занялся подготовкой очередного мероприятия. До него оставалось не более двух недель. Уже на следующий день после переданного ему накануне Томкой ее поручения он пришел к ней в назначенное ею время для обсуждения возможного состава участников и сценария.

– Зинаида Евдокимовна, прошу Вас посмотреть предложения, – поздоровавшись, начал он. – Времени не очень много, постараемся успеть.

– Мне некогда, – отрезала она. – Занимайся...

– Зинаида Евдокимовна, – продолжал он. – Надо согласовать с Вами ...

– Что, еще согласовать? – раздраженно сказала она. – Я же сказала, мне некогда, когда-нибудь позже ...

– Когда?

– Когда будет время ...

– Зинаида Евдокимовна, времени мало, согласуйте, хотя бы, основное.

– Ну, ладно, – поняв, что он просто так не пришел бы, согласилась она. – Только коротко, минут за пять-семь.

Он действительно уложился в это время, лаконично изложив ей свои предложения и, как поняла она, сумел не только назвать основные моменты, но и раскрыть общую канву мероприятия, подчеркнув, что им разработан план подготовки со сроками и ответственными из числа сотрудников, главным образом из управления Карьерова.

– Умен, – чувствуя, опять откуда-то появившуюся зависть, подумала она. – Я бы так не смогла доложить, а уж про план-то и вообще молодец. Этого у нас прежде не было ...

– Ну, все, занимайся, – подвела итог она, предварительно задав несколько вопросов и с нетерпением выслушав его ответы.

– Будут ли какие-либо замечания и предложения? – поинтересовался он.

– Какие еще? – она начала заводится. – Я же сказала, занимайся!

Конечно, раньше она обязательно бы начала проводить совещания, напрягаться сама и напрягать заместителей и сотрудников, но теперь решила не вмешиваться до поры.

– Посмотрим, на что ты действительно способен, – ухмыляясь, подумала она. – Почувствуешь, как работать с лодырями и неумехами. Прибежишь за помощью ... Вот тогда и посмотрим ...

Поступать так она решила не только потому, что преследовала свою цель в отношении Афанасьева, но и потому, что как ей намекнули в окружении Коренева, ни Коренев, ни Хорошилина на мероприятии присутствовать не смогут из-за большой загруженности их рабочего графика.

Однако, для нее стал полной неожиданностью ее вызов за два дня до мероприятия к Хорошилиной для доклада о его подготовке и проведении.

– Нейдется ей, – неприязненно подумала она. – Ну чего нос сует? Все равно же не будет на мероприятии.

Взяв, на всякий случай, с собой Афанасьева она приехала к Хорошилиной. Афанасьев пытался по дороге в машине рассказать ей о мероприятии, но она почти не слушала его, перебиваясь по мобильнику с подругами – «товарками», как она их называла по старой привычке.

Хорошилина, поздоровавшись, сообщила, что на мероприятии будет Коренев.

– Как? – испугалась Зинаида Евдокимовна.

– А, Вы что, думали по другому? – удивленно спросила Светлана Аркадьевна.

– Нет ... – протянула Зинаида Евдокимовна. – У него же ...

– О чем Вы? – не понимая, задала вопрос Светлана Аркадьевна.

– Нет, ни о чем ... Я просто думала ... – Зинаида Евдокимовна не могла сказать ей о том, что ей говорили о большой загруженности Коренева.

Если бы она сказала это, следующий вопрос Хорошилиной был бы о том, кто говорил, и не ответить на него Зинаида Евдокимовна не могла, не имела права. Это дало бы Хорошилиной еще одну возможность убедиться в том, что она, Зинаида Евдокимовна, не смотря на то,

что Хорошилина один на один уже неоднократно предупреждала ее о недопустимости таких действий, собирает сплетни и пользуется непроверенной информацией.

– Просто думала, – продолжила она, – что это не такое значимое мероприятие для него ...

– Михаил Константинович так не считает, – сухо отрезала Светлана Аркадьевна. – Мы приедем вместе.

– Как, и Вы? – совсем растерялась Зинаида Евдокимовна.

– А разве может быть иначе? – удивилась Светлана Аркадьевна. – Я, как Ваш куратор, должна быть на мероприятии. Докладывайте!

Зинаида Евдокимовна путано, стараясь до деталей вспомнить то, что ей рассказывал по дороге в машине Афанасьев, начала говорить.

– Это все? – внимательно выслушав ее, спросила Светлана Аркадьевна.

– Все, – чувствуя, что это не так, ответила Зинаида Евдокимовна.

– А как ... – и Светлана Аркадьевна начала задавать ей вопросы, ответы на которые она, естественно, не знала. – Все, это конец, – пронеслось у нее в голове. – Все ...

– Извините, Светлана Аркадьевна, – пришел ей на выручку Афанасьев, – Зинаида Евдокимовна доложила Вам общую концепцию мероприятия, поручив мне непосредственную его подготовку, если позволите, и, если не возражает Зинаида Евдокимовна, я отвечу на Ваши вопросы.

– Да, да – восторгалась Зинаида Евдокимовна. – Я ему поручила ...

– Хорошо, – Светлана Аркадьевна, все это время посматривавшая на него, – рассказывайте, Кирилл Петрович ...

Он, не торопясь, обстоятельно, доложил, успев в ходе доклада, дать ответы и на время от времени задаваемые ему Светланой Аркадьевой вопросы.

– Хорошо, понятно. А есть ли проблемы?

Зинаида Евдокимовна насторожилась: – Что-то он сейчас скажет?

– Нет, Светлана Аркадьевна, все решается. Проблем нет.

– Молодец, – невольно подумала Зинаида Евдокимовна. – Да, уж опыт великое дело, – отчего-то неприятно призналась сама себе она. – Мне бы его спокойствие Истинно «толстокожий»....

– Спасибо, – подвела итог Светлана Аркадьевна. – Тогда, Зинаида Евдокимовна еще раз посмотрите и утверждайте сценарий, и до послезавтра. Встретимся на мероприятии.

Зинаида Евдокимовна как всегда воспользовалась моментом и пошла по кабинетам, стремясь узнать последние сплетни и похвастаться, как здорово она доложила Хорошилиной о подготавливаемом под ее, Зинаиды Евдокимовны руководством мероприятии, а Афанасьев уехал в офис.

VII.

Да, если бы Афанасьев знал, на что она способна, вряд ли он спокойно и планомерно занимался завершением подготовки мероприятия. Она, все больше и больше начиная толи завидовать, то ли ненавидеть его, придумала ему еще одно испытание, которое по ее замыслу, должно окончательно сломать его. По ее мнению, он должен был сорваться и вот тогда-то она раз и навсегда поставит его на определенное ею место – бессловесного и безынициативного, боящегося ее зама.

За три часа до начала мероприятия она позвонила ему по мобильному.

– Чем занимаешься? – как всегда, не здороваясь, начала она.

– Добрый день, Зинаида Евдокимовна, – как всегда невозмутимо ответил он. – Провел совещание с задействованными на мероприятии сотрудниками и готовлюсь к выеху на место проведения мероприятия.

– Ну, ну, – ответила она, – поезжай, я приеду примерно минут за сорок до начала. Смотри, не подведи!

– Не волнуйтесь, Зинаида Евдокимовна, все идет по плану.

– Ладно. Посмотрим. Да, я тут решила подкупить подарки, так ты пошли машину, пусть заберут и привезут.

– Зинаида Евдокимовна, – в трубке послышался его удивленный голос, – зачем? Этого же нет в сценарии ...

– Нет, значит, будет, – отрезала она. – Я так решила!

– Но мы не поставили в известность об этом Светлану Аркадьевну ...

– Ну и что? Будет сюрприз. Посылай машину!

– Зинаида Евдокимова, все машины заняты, перевозят людей и необходимое для мероприятия.

– Посылай свою, а сам как-нибудь доберешься.

– Хорошо, а по какому адресу направлять машину?

– Адрес возьми у Томки, она знает.

Конечно, она понимала, что времени очень мало и сама бы она, устроив хороший скандал, в другое время ни за что не стала бы этим заниматься. Но сейчас она ничем не рисковала: во-первых, этого действительно не было в сценарии, во-вторых, успех Афанасьева, это бы было приятным для многих участников мероприятия сюрпризом, подготовленной не кем иным, а именно ею. Если же Афанасьев бы не успел, то он был бы у нее на крючке, и она бы нашла способ сделать так, чтобы он с него никогда не сорвался. Что-то, злопамятство и мстительность ей присущи издавна.

Но Афанасьев успел, она просчиталась. Его водитель принес коробку с подарками буквально за пять минут до начала мероприятия. Подарки были вручены, и это было действительно приятным сюрпризом. Естественно, она постаралась сделать достоянием всех, особенно Хорошилиной, что именно она это придумала и организовала. Афанасьев же на эту тему ничего никому не говорил.

А дальше произошло то, к чему она стремилась.

Афанасьев твердо придерживаясь сценария, время от времени появляясь в зале управлял находясь за сценой, проведением мероприятия. Ей же казалось, что все не так, что Кореневу не нравится, и она прибежала за сцену.

– Почему не выступает ...? – она назвала фамилию, приглашенного ею, известного певца.

– Он в соответствии с утвержденным Вами сценарием, будет выступать через два номера, – ответил Афанасьев.

– Пусть сейчас!

– Но он пять минут, как приехал, ему, же, нужно время для подготовки.

– Ничего не знаю, пусть сейчас, немедленно! – заорала она.

Афанасьев удивился.

– Зинаида Евдокимовна, прошу Вас не кричать, я попрошу его побыстрее подготовиться.

– Что! Не кричать? Чего стоишь, беги быстрее за ним! – продолжала кричать она. – Давай, поворачивайся, барин!

– Вы что, Зинаида Евдокимовна? – она видела, что Афанасьев крайне удивлен, – Вы что? При чем, здесь, барин?

– Мне лучше знать, при чем! – она видела, что находившиеся за сценой сотрудники с интересом слушают. – Беги я сказала!

– Хорошо, я пойду, но прошу Вас не кричать и не бросаться словами!

– Что? – она буквально задохнулась от ярости. – Подумаешь, недотрога! Я сама пойду!

И она бегом бросилась по коридору к гримерной артиста. Влетев в нее и видя изумленный взгляд артиста, она красная и взвинченная, еле переводя дух, стала уговаривать его немедленно выйти на сцену. Удивленный ее появлением и состоянием, он попытался объяснить ей, что еще не готов, но она, ссылаясь на Коренева, убедила-таки его.

Ради его внеочередного выступления, Афанасьеву пришлось спешно изменять сценарий, предупреждать об этом ведущего и извиняться перед артистами, уже стоявшими за кулисами и ожидавшими объявления ведущим их выхода на сцену.

Певец выступил и уехал. Никто, кроме нескольких человек, знакомых со сценарием, никаких изменений не заметил. Мероприятие продолжалось ...

Она вернулась в зал с небывалыми ранее ощущениями. С одной стороны, она вроде бы добила своего, выплеснув на Афанасьева накопившуюся в ней зависть и ненависть к нему, такому всегда выдержанному, спокойному, «правильному»; а, с другой, ей не удалось добиться своего, сломать его.

– Не может быть. Нет, не может быть, – убеждала она себя, отвлекаясь от хода мероприятия, и вглядываясь в Афанасьева всякий раз, когда он по прежнему спокойный и собранный, время от времени появлялся в боковом проходе зала, отдавая поручения сотрудникам или что-то спрашивая у них. – Не может быть, чтобы он не был потрясен происшедшим, не сломался под гнетом намеренно произнесенных ею в его адрес слов. Или он действительно «толстокожий»?

Она чувствовала, как нарастает в ней злоба. Злоба на саму себя, злоба на Афанасьева. А тут еще коллеги, сидящие рядом с ней, кто с умыслом, а кто и без, подливали масла в огонь. Они время от времени, говорили ей, что ей повезло с таким заместителем, умело управляющим ходом мероприятия, и, как бы невзначай, напоминали, что, не будь Афанасьева, разве бы могла она сидеть в зале, вместо того, чтобы как прежде метаться из зала за сцену и обратно.

Радовало ее только то, что сидящие за ее спиной ее первые заместители, слышали это.

– Пусть позлятся, что не о них речь, – думала она. – Может, начнут-таки, бороться с Афанасьевым, вместо того, чтобы бороться против нее.

Решив усилить зависть первых заместителей, улучив момент, она, как она считала, величественным жестом – согнутой в кисти рукой, указала появившемуся на мгновение в зале Афанасьеву, на свободное через одно от нее место, освобожденное ушедшим с мероприятия одним из ее коллег. Любой, она это знала, из сотрудников был бы рад этому. Однако, Афанасьев отрицательно покачал головой и, приподняв руку с текстом сценария, вновь ушел за сцену.

Это окончательно добило ее, накатившая волна злобы окончательно поглотила ее.

– Не хочет, занят, – понимая, что она не справедлива к Афанасьеву, но вся во власти охватившей ее злобы, подумала она. – Корчит из себя делового. Ну, погоди, же!

Мероприятие, как и планировалось, закончилось в срок.

Уезжая, Корнев отметил, что это было успешное, хорошо продуманное и организованное мероприятие. В свою очередь Хорошила попросила поблагодарить всех задействованных при его подготовке и проведении, особенно выделив Афанасьева.

– Как бы, не так, – пообещав, зло подумала Зинаида Евдокимовна, – обойдется он ...

Твердо решив, что, уж, что-то, а Афанасьева она ни в коем случае благодарить не будет, она, на обязательном, по давно заведенной ею привычке, банкете после мероприятия, ограничилась словами общей благодарности.

Тосты говорили все: первые заместители, Карьеров, сотрудники. Афанасьев молчал.

– Не хочет, – решила она и предоставила ему слово.

Афанасьев удивил. Он произнес краткий, емкий по форме и глубокий по содержанию, неожиданно для нее внимательно выслушанный сидящими за столом, тост. Некоторые даже зааплодировали, но, заметив, как она посмотрела на них, прекратили.

– Боятся, – удовлетворенно подумала она. – Да, ее боятся, а Афанасьева уважают ...

Даже выпитое ею любимое ее красное вино, не могло потушить накопившуюся неприязнь, а, вернее, уже ненависть к Афанасьеву. Она вновь и вновь прикладывалась к бокалу: нет, не помогает!

Через несколько минут банкет завершился.

Расставание после банкета было официальным.

VIII.

На следующий день она приехала в офис только к обеду. Томка сообщила ей, что Афанасьев несколько раз интересовался, приехала ли она.

– Зачем? – равнодушно поинтересовалась Зинаида Евдокимовна.

– Он не говорил. Сказал, что хотел бы поговорить с Вами.

– Поговорим ... – протянула она, – как-нибудь попозже, часа через два.

Ей нечего было делать, но она хотела, во-первых, подготовиться к разговору, а, во-вторых, заставить Афанасьева нервничать, ожидая.

Через два часа, она посмотрела, когда он вошел на, висящие на стене напротив, часы, Афанасьев был у нее.

– Точен, – усмехнулась она. – Ну-ну, давай, говори ...

– Зинаида Евдокимовна, – поздоровавшись, начал он, – я хотел бы с Вами обсудить происшедшее вчера ...

– А разве что-то произошло? – делая вид, что не понимает, спросила она, – Вроде все нормально ...

– Да, если говорить о мероприятии ...

– А о чем же еще говорить?

– О том, что Вы вчера при сотрудниках произнесли в мой адрес и как Вы это произнесли, – четко выговаривая каждое слово сказал он.

– Не помню, – соврала она.

– Вы называли меня барином и накричали на меня.

– А, это, – внутри ее все ликовало: она зацепила, потрясла его; теперь надо дожимать, ломать его немедленно, – это пустяки, забудь.

– Нет, это не пустяки, – возразил он, – прошу Вас впредь так не поступать.

– Что ...о? – она начала заводиться, – Я сама решаю как мне поступать. Подумаешь, недотрога, какой выискался!

– Я же просил Вас ...

– Нечего меня просить! Все, иди, разговор закончен!

– Нет, Зинаида Евдокимовна, не закончен. Я должен быть уверен, что больше такого не будет.

– Будет – не будет, – она злилась все сильнее, – что я гадалка что-ли, посмотрим ... Иди!

– Извините, Зинаида Евдокимовна, я не хотел, но вынужден напомнить, что существуют правила корпоративной этики ...

– Что? – злоба была готова вырваться из нее наружу. – Что ты сказал?

– То, что любой сотрудник, не взирая, на занимаемую должность, должен соблюдать правила.

Готовая взорваться, она внезапно испугалась, подумав: а, вдруг, разговор кто-то слушает или сможет прослушать. Она с ужасом представила даже, кто это могли бы быть, и у нее засосало под ложечкой, от страха липкий пот начал покрывать ее тело.

– Только этого мне не хватало, – лихорадочно соображая как быть, подумала она. – И так ко мне полно претензий, а теперь еще и такое ...

– Ладно, забудь, погорячилась, сам знаешь, с кем не бывает, – примирительно произнесла она, решив, однако, все же уколоть его. – Сам, небось, такой ...

– Не такой, – отрезал он.

– Ну-ну, – она продолжала отступать, – тебе виднее ...

– Так я могу быть уверенным, что то, что вчера было, больше не повторится?

– Можешь, – делая над собой усилие, произнесла она, – иди, я занята ...
Афанасьев ушел.

– Нет, каков наглец! – оставшись одна, она дала волю накопившейся в ней злобе. – Каков наглец! Пришел требовать от меня, его начальника, извинений!

Такое для нее было в диковинку, ни разу за все ее время работы в организации никто не смел поступать с ней так, как Афанасьев. Она привыкла, что в организации все безропотно воспринимают любые ее слова. Привыкла, что она повелевает сломленными неумехами и лодырями, что она для них, как наушничали ей несколько зависимых от нее сотрудников, – «шефиня». Непривычное слово «шефиня» для нее означало нахождение на пьедестале, вышло ее в собственных глазах.

И вот теперь, без году работающий в организации «толстокожий» Афанасьев, сбросил ее с пьедестала.

– Ну, погоди, – размышляла она. – Ты у меня хлебнешь по полной. Только надо осторожно, медленно, исподтишка, лучше чужими руками ... И так, чтобы не дошло до Хорошилиной, а тем более до Коренева.

В голове у нее зрел план. Крикнув Томке, что ее ни для кого нет, и что она отвечает только на входящие звонки из города, она до вечера обдумывала план.

– Нет, Афанасьев, ты сдашься, сломаешься. Приползешь ко мне просить пощады, а я ...
– она, сжав тонкие не по возрасту ярко накрашенные губы, и прикрыв бесцветные со склеротическими прожилками глаза, погрузилась в мечтания ...

IX.

Да, пожалуй, именно с этого момента она начала последовательно, шаг за шагом давить Афанасьева.

Для начала, она решила воспользоваться конкуренцией между первыми заместителями, которые помимо борьбы против нее, боролись и между собой, стремясь самоутвердиться: кто же из них главнее и ближе к ней.

Еще полгода назад, понимая, что ближайший и самый реальный ее противник и возможный преемник – это Суховой, она стала приближать к себе Товарова, оставлять его вместо себя в свое отсутствие, направлять его на совещания. Она видела, как нервно относилась Суховой к каждому новому ее поручению Товарову, как темнела лицом и поджимала Палина Харитоньевна свои тонюсенькие губы, выслушивая от Товарова поручения, естественно, и об этом Суховой знать не могла, предварительно согласованные Товаровым с самой Зинаидой Евдокимовной.

Товарова Зинаида Евдокимовна раскусила сразу, с людьми такого типа, ей как «лимитчице» приходилось много встречаться, со временем она научилась сразу определять их, да и чем-то он был похож на нее. Возможно, и в этом она сама себе боялась признаться, тем, что, не обладая ни знаниями, ни желанием их получать, стремился быть во всем первым, быть на виду, и боялся потерять должность. Он, как и она, стремился окружить себя зависимыми от него людьми. Людьми, на фоне которых он бы выделялся, и которые бы поставляли ему информацию. Людьми, которыми он безнаказанно мог бы помыкать, и которых он в любой момент мог бы сдать.

Конечно, она понимала, что и Товаров – возможный претендент на ее место, но надеялась, что те, от кого зависит назначение на должность, поймут его неспособность быть во главе организации. А, уж, она-то поможет им в этом!

Чтобы заставить их волноваться, возбудить в них зависть к Афанасьеву, она начала демонстративно приближать к себе Афанасьева, изредка в их присутствии хорошо отзываться о его организаторских и деловых способностях.

По сути, она, забыв об окончании поговорки, стремилась «убить двух зайцев»: переключить их внимание от себя на Афанасьева и запутать, обмануть Афанасьева, чтобы потом наслаждаться торжеством своей победы.

Достичь первой своей цели – вызвать у них ревность к успехам Афанасьева ей удалось довольно-таки скоро.

Они, каждый в отдельности, неоднократно пытались завести с ней разговор о нем, она охотно шла на него, переминая кости Афанасьеву. Но как только с их стороны начинались жалобы на ущемление их, как они, и она понимала, что справедливо, считали прав, она под любым пришедшим ей в голову предлогом обрывала разговор.

– Пусть злятся, – думала она. – Это вам за борьбу за мое место. Настанет время, и я вашими руками придавлю Афанасьева. А, уж, с вами-то я всегда разберусь. На вас-то у меня много есть ...

Время шло, но вторая цель – сломать, вынудить Афанасьевым сдаться на ее милость, оставалась для нее не достижимой.

Через некоторое время после памятного ей мероприятия, когда она открыто проявила свое подлинное отношение к Афанасьеву, она предприняла еще одну попытку сломать его. Тогда и она, и Суховой были на больничном, Товаров в отпуске, Смирнова в командировке, и Афанасьеву пришлось одному организовывать работу организации.

Ей было интересно, как он справится с объемом работы, заедавшей ее «текучкой». Она ежедневно звонила ему и он подробно сообщал ей о происходящем. Но, не веря никому, а тем более ему, она в тайне от него ежедневно обзванивала зависимых от нее по разным причинам сотрудников, исподволь выведывая, что происходит в организации и что предпринимает Афанасьев. Она хотела, что бы он не справился, допустил, если не ошибки, то хотя бы промахи, а, уж, она-то найдет способ как их использовать против него ...

Но Афанасьев ошибок и промахов не допускал, объективно освещал происходящее и советуясь с нею по мере необходимости. Это удивляло и злило ее одновременно. Она помнила как долго и трудно входила она в содержание деятельности новой тогда для нее организации, а этот – нате вам – и все получается!

Вот почему она так переполошилась, когда позвонив Карьерову, узнала, что Афанасьев готовит совещание по перспективным вопросам работы организации. Прервав разговор, она лихорадочно, ошибаясь, злясь, и начиная набирать номер Афанасьева снова и снова, позвонила ему.

– Кто дал право проводить совещание? – зло выдохнула она в телефонную трубку.

– Добрый день, Зинаида Евдокимовна, – как всегда спокойно ответил Афанасьев, – как Ваше здоровье?

– Кто дал право проводить совещание? – не отвечая, повторила она.

– Вы.

– Я? – опешила она. – Когда?

– Вы в конце прошлого месяца утвердили план работы на текущий месяц, где были определены дата и тема совещания, а ответственным назначен я.

– Ну, и что? – она вспомнила: да, действительно утвердила.

– Подготовка совещания практически завершена, осталось его провести.

– Кто будет проводить?

– Я хотел бы, чтобы проводили Вы, если позволит Ваше здоровье.

– Не позволит, – по-прежнему зло отрезала она. – Отменяй совещание.

– Зинаида Евдокимовна, это невозможно.

– Что? Почему это? Отменяй.

– Зинаида Евдокимовна, участники совещания давно извещены, спланировали свое рабочее время, подтвердили участие и готовность выступить.

– Ну и что? Отменяй! – перебила она его.

– Зинаида Евдокимовна, Вы же знаете, что утвержденный Вами план работы на текущий месяц предоставлен Хорошилиной. Светлана Аркадьевна знает из него о совещании. Как мы объясним не выполнение плана?

Не найдя, что ответить, она задумалась. Действительно, как? Ее болезнью или болезнью Суховой? Отпуском Товарова? Хорошилина скажет, что надо было или не отпускать Товарова, или научиться правильно планировать работу. И, наверняка, спросит, почему не Афанасьев, если в плане он ответственный?

– Зинаида Евдокимовна, – услышала она голос Афанасьева в трубке, – Вас что-то смущает?

– Ничего, – раздраженно ответила она. – Проводите. Но только для участников назовите все это семинаром, а не совещанием.

– Хорошо. Спасибо. А как Вы?

– Проводите сами, – она бросила трубку.

Она знала, что он способен решать любые вопросы, в отличие от нее и Суховой, Товарова она не принимала в расчет – он просто не владел глубоко вопросами, никогда не боялся выступать в любой аудитории, умело организовывал ход обсуждения и четко формулировал решения.

Совещание, которое, как ей донесли ее информаторы, он постоянно называл семинаром, прошло успешно. Выйдя после болезни и прочитав принятое решение, она позавидовала: как четко, кратко и понятно все сформулировано и изложено...

День за днем Афанасьев по-прежнему добросовестно исполнял возложенные на него функции, не отказываясь от новых ее поручений. Ей даже стало казаться, что он получает удовольствие от их выполнения.

– Стожильный он, что ли? – все чаще задумывалась она. – Тянет и тянет, и даже не отказывается. Действительно, толстокожий ...

Х.

Однажды, как всегда, поздним вечером она вызвала в кабинет Карьерова.

– Где Афанасьев?

– Кирилл Петрович в командировке по Вашему заданию, – почтительно доложил Карьеров.

– А, ну, да, – вспомнила она.

– Вам что-то от него нужно? – заинтересованно, как показалось ей с прозвучавшими в его голосе нотками зависти, спросил Яшка. – Я могу ему позвонить на мобильный ...

– Я и сама могу, – отрезала она, – ты лучше скажи как Афанасьев?

– Работает.

– Сама знаю, что работает! Как работает?

– Зинаида Евдокимовна, – было видно, что Яшка пытается сообразить, что она хочет от него услышать, – Вы же знаете, все выполняется в срок ...

– Знаю, знаю, – заводясь из-за его недогадливости, передразнила она его. – Как работает, с кем?

– Со мной, с управлением, другими отделами.

– Ты, что? – не выдержала она. – Не понимаешь, о чем я спрашиваю?

– А, – сообразил Яшка, – Кирилл Петрович занимается только порученными вопросами.

Я не видел, чтобы он делал в рабочее время что-то не связанное с ними.

– Ты, а другие?

– Н ... не знаю, – выдал из себя Карьеров.

– А ты узнай!

– Хорошо.

– Как узнаешь, сразу дай знать мне.

– Хорошо.

– Да, так кто к нему чаще всех обращается?

– Многие ...

– Назови!

Карьеров начал перечислять. Действительно, не было ни одного управления, да, и отдела, сотрудников которого он бы, не назвал.

– Ладно, хватит, – оборвала она Яшку. – Иди, и помни, что я тебе сказала!

После разговора она задумалась: а не слишком ли она поторопилась, предоставив Афанасьеву такие полномочия, может быть, не надо было этого делать? Но, поразмыслив, поняла, что никто другой кроме него не смог бы выполнить их лучше, да и с его приходом прекратились, чуть ли, не ежедневные претензии к ней Хорошилиной и ее окружения, все выполнялось в срок и полностью. Это не могло не устраивать ее, не устраивала ее толстокожесть Афанасьева, его нестигаемость.

Решив, что надо бы, наконец, познакомиться с его личным делом, она позвонила Элке. Телефон не отвечал.

– Где Элка? – крикнула она сидящей в приемной Томке.

– Элла Юзэфовна давно ушла домой, – Томка заглянула в дверь ее кабинета.

– Почему?

Томка, не зная, что ответить, молчала.

– Я на работе, а никого нет!

– Но я, же здесь, – робко проговорила Томка.

– Не о тебе речь! Позвони Элке на мобильник. Быстрее!

Томка исчезла за дверью, появившись вновь через несколько минут.

– Отключен.

– Что? Кто отключен?

– У Эллы Юзефовны отключен мобильник ... – растерянно произнесла Томка.

– Как? Почему это?

– Не знаю ...

– Не знаю ..., – передразнила ее Зинаида Евдокимовна. – А что ты вообще знаешь?

Ладно, принеси чаю. Иди!

Она придвинула папку с подготовленными и оставленными ей на подпись Афанасьевым документами.

– Ишь, ты, уехал в командировку, а документы все же подготовил, – со смешанным чувством недовольства и зависти отметила она. – Дисциплинирован, ничего не скажешь, аккуратист!

Просмотрев и подписав документы, и так и не притронувшись к чашке с чаем, она уехала.

– Яшка, конечно, понял, что мне нужно, – думала она в машине, – он начнет, если уже не начал, копать под Афанасьева. Надо подождать, что он принесет... Не может быть, чтобы он не принёс...

Привыкшая использовать для достижения цели любые возможности, она верила, что на любого есть необходимый компромат, надо только его найти.

XI.

Из изученного ею личного дела Афанасьева она смогла вынести только то, что он ее ровесник и обладает большим опытом работы в комсомольских и партийных органах, органах государственной власти.

– Из бывших, – подумала она, – уже тогда был руководителем, не то, что она ...

В ее памяти всплыло, как приехала она, испуганная деревенская девчонка работать в город, как потом поступила учиться, как, шаг за шагом, пускаясь во все тяжкие, выкарабкивалась она год за годом наверх, постоянно боясь не справиться, впадая в панику от малейшей ошибки или замечания в ее адрес от вышестоящего руководства. Паниковала она всегда, и прежде и теперь, но, плетя интриги, научилась скрывать охватывающую ее панику. Скрывать, пряча ее за своим криком, оскорблениями, добиваясь с их помощью желаемого. По-сути, она так разряжалась, выплескивая свои негативные эмоции на подчиненных.

И тут этот неподдающийся Афанасьев, убежденно-упертый, толстокожий!

– Ну, ничего, – успокаивала она себя. – Ничего, сломаю... Надо только, хорошенько обложить его со всех сторон, чтоб не вырвался ... Или подставить ...

Случай для этого, как она посчитала, подвернулся скоро.

Она дала поручение Афанасьеву создать в организации что-то, что сама еще не могла для себя представить, по сбору, накоплению, анализу и распространению необходимой информации и опыта.

До него, этим пытались заниматься отдельно сначала Суховой, а потом Товаров. Но дальше разговоров дело не пошло. Они, то ли не хотели, то ли, что вернее, как и она, не знали, что это должно быть и как выглядеть. Она позволила им спустить это дело на тормозах, рассчитывая при необходимости использовать не выполнение ими ее поручения против них. Афанасьеву же прощать его не выполнение она не собиралась.

Афанасьев первоначально попытался выяснить у нее, как она видит воплощение ее поручения. Она отделалась общими словами, переадресовала его к первым заместителям, которые, конечно, ничего дельного сообщить ему не смогли, даже если бы и хотели.

Она ожидала, что он еще раз придет к ней или за советом или с жалобами на Суховой и Товарова. И он пришел через два дня, но не с тем, что она ожидала, а с готовым проектом, включающим даже чертеж расстановки оборудования и мебели в выбранном им помещении. Удивленная, она не смогла отказать ему и, понимая, что ничего подобного нет у коллег – руководителей организаций, ее организация будет первой, утвердила проект.

Он начал, не прося дополнительно чей-либо помощи, реализацию проекта, практически ежевечерне информируя ее о том, каково положение дел. Она и сама, время от времени, встречая Карьерова, интересовалась у него, как обстоят дела с проектом, и напоминала ему о данном им ей обещании ...

Через неделю Афанасьев сообщил ей, что сбор имеющейся информации завершен, необходимо закупить оборудование и мебель для помещения.

– А, где и какую, по какой цене? – поинтересовалась она.

– Есть несколько вариантов, менее затратный из них – вот этот, – он положил на стол перед ней проспекты с фотографиями образцов и проекты смет расходов.

– Почему этот? – перелистав проспекты, спросила она.

– Мебель корпусная, легко собирается и, при необходимости, разбирается. Изготавливается под заказ в соответствии с необходимыми размерами. Доставка входит в цену. Цена меньше чем у других. Цвет мебели будет гармонировать с цветом стен, а также зрительно при-

даст большой объем помещению, да и не будет поглощать солнечные лучи. Помещение будет светлым и уютным.

- Хорошо, – согласилась она.
- Можно оформлять договор?
- Да.

На следующий день он принес ей для подписания два экземпляра договора. Она положила их в папку с другими документами от Афанасьева, сказав, что подпишет позже. Ей было необходимо время для осуществления задуманного: она, постоянно думающая о собственной выгоде и привыкшая измерять ее в первую очередь степенью наполнения ее кармана, поскольку не удалось его зацепить за не выполнение поручения, решила испытать Афанасьева.

Только через неделю, не смотря на его регулярные напоминания о неподписанных экземплярах договора, она вызвала Афанасьева к себе в кабинет.

– Добрый вечер, Зинаида Евдокимовна, – он как всегда был спокоен и собран. – Разрешите?

- Да, добрый...
- Зинаида Евдокимовна, вы подписали договор?
- Нет еще.
- Но время идет ...
- Подпишу, но сначала ответь ...
- Да, конечно, – он посмотрел на нее.
- Интерес? – произнося это, она буквально впилась в него глазами.
- Что интерес? – удивился он.
- Что, да что? Не понимаешь что ли? – неожиданно для самой себя прошипела она,

бурля его лицо своими глазами.

- Не понимаю.
- Каков интерес?
- О чем Вы?
- О чем, о чем? – она начала заводится. – Первый день, что ли работаешь?
- Не первый, естественно. Но не понимаю...
- Было видно, что он действительно не понимает ...
- Ну, хорошо, – успокаиваясь, уточнила она, – какой откат?
- А, при чем здесь откат? – снова удивился он.
- Как, при чем? Ты что не знаешь?
- Термин «откат» знаю, но при чем здесь откат нет.
- Да? Неужели? – удивилась она. – Ты что не знаешь, что три процента отката от суммы

– это норма?

- Не знаю такой нормы. Да, это и не законно, – по-прежнему спокойно ответил он.
- Не знаешь? Не нами заведено, не нам отменять!
- А, вот Вы о чем, – сказал он. – Я на это не пойду. Это не законно!
- Что? – чуть не задохнулась она. – Что ты сказал?

– Я сказал, – он смотрел прямо в ее глаза, – что эти действия не законны.

– Какие такие действия? – еле сдерживаясь, чтобы не закричать, покраснев, спросила она. – Ты на что и на кого намекаешь?

– Вы о чем? – также спокойно, как и в начале разговора сказал он. – Разве мы с Вами не говорим на отвлекенную тему?

– Подставилась, – поняла она. – Сама подставилась. А, он-то каков, не воспользовался, сделал вид, что не понял. Я бы на его месте ...

- Ладно, – сдалась она. – Давай договор.
- Он у Вас в папке.

– Да? – спохватилась она. – Ах, да. Найдите его.

Договор был подписан и уже через неделю мебель и оборудование были установлены в помещении.

Она поспешила сообщить об этом Хорошилиной и коллегам – руководителям организаций. А на очередном еженедельном совещании, внутренне ликуя, услышала рекомендацию Хорошилиной коллегам-руководителям брать пример с возглавляемой ею, Зинаидой Евдокимовной Трусиной, организации!

– Да, пожалуй, исполнительный Афанасьев, его знания и организаторские способности нужны ей... Пока нужны ... – размышляла она. – Хотя, вполне возможно, что они и он понадобятся ей и в дальнейшем ... Только надо сделать Афанасьева полностью зависимым от нее, подавить в нем чувство самоуважения, превратить его в тряпку, которую всегда можно использовать так как хочется ...

Сравнение с тряпкой ей понравилось, и она рассмеялась, немало удивив водителя, ни разу не видевшую ее такой.

ХII.

Понимая, что сразу сломить Афанасьева не удалось, она решила добиться задуманного, держа его в постоянном напряжении и нанося ему пусть мелкие, но, как она думала, примеривая к себе, болезненные удары.

Первым из них стал ее отказ поддержать подготовленный и предложенный им, во исполнение ее поручения, предварительно одобренный ею же проект реструктуризации организации.

Для этого она использовала первых заместителей. Пожалуй, впервые, Суховой и Товаров после того, как она уже одобренный ею проект направила им для ознакомления, испугались предстоящему значительному изменению привычных их функций и выступили единым фронтом, доказывая ей у нее в кабинете необходимость отклонения проекта и сохранения сложившегося статус-кво.

Ее немного напугало их объединение, напугало потому, что они могли договориться между собой против нее, но и обрадовало, поскольку прикрываясь их мнением, она могла нанести удар по Афанасьеву.

Сообщив на внеочередном совещании в офисе, что к этому вопросу вернется позже, она отпустила Афанасьева в отпуск. Когда же он вышел из отпуска, все уже было закончено, и от первоначального проекта практически ничего не осталось: вместо изменения функционала и структуры, были произведены изменения численности сотрудников в управлениях и отделах.

На вопрос Афанасьева о причине отказа от согласованного проекта, она ответила, что это результат коллективного обсуждения с участием давно работающих в организации первых заместителей. Она ждала от него бурной реакции, заранее готовилась к ней, вырабатывая линию поведения и готовя ответы, но просчиталась. Афанасьев молча посмотрел на нее и перешел к докладу о насущных вопросах, порученных ею ему до его отпуска.

– Опять он оказался сильнее, – вынужденно призналась она себе. – Ну, ничего, подожду, приползешь ...

Вскоре на одного конкурента на ее место, стало меньше.

Суховой, тесно связанная с Хорошилиной, после того, как на неожиданно освободившуюся должность Хорошилиной был назначен Пустовойтов, поумерила свои амбиции, полностью переориентировавшись на Зинаиду Евдокимовну. Зинаида Евдокимовна понимала почему: Суховой решила сохранить за собой занимаемую ею должность, резонно рассудив, что надо выждать, посмотреть как пойдут дела, и при удачном стечении обстоятельств свалить «шефиню».

– А, ведь, она права, – поняла Зинаида Евдокимовна, – действительно, я и сама не знаю, как все повернется, смогу ли я работать с Пустовойтовым. Мне надо уцелеть в начальниках самой, а там посмотрим ... Он, в отличие от Хорошилиной пришел со стороны, ничего не знает и не понимает, а, я-то, собаку съела ... Надо сделать все, чтобы не допускать ошибок, и светиться, светиться везде, где только можно!

Она еще больше зачастила по кабинетам коллег-руководителей организаций, стала часто появляться и в приемной Пустовойтова, не брезгуя никакой доступной ей информацией, даже той, в какую, никогда бы, не поверила. На проводимых им еженедельных совещаниях старалась воспользоваться любой возможностью, чтобы показать себя умелым и грамотным руководителем. В общем, пуская пыль в глаза, всем кому могла, формировала свой имидж.

Для этого ей как никогда был нужен исполнительный и последовательно действующий, инициативный Афанасьев. Понимая это, она даже на некоторое время прекратила искать возможности для проявления своей ненависти к нему.

– Главное уцелеть самой, а там посмотрим, – только это было у нее на уме. – Главное, уцелеть ...

Вот почему, зная, что финансовые отношения на особом контроле Коренева и Пустовойтова, так психанула она, когда финансовое управление нарушило сроки перечисления денежных средств.

Разъяренная, пунцово-красная, ворвавшись к концу рабочего дня в свой кабинет, она вызвала в него Суховой и Товарова.

– Куда вы смотрели? – заорала она, обращаясь к ним. – Вы, что, не знаете, что за такое бывает?

Они, обладавшие правом финансовой подписи, молчали. Суховой смотрела в пол.

– А что случилось? – спросил Товаров.

– Что? – Зинаида Евдокимовна перевела дух. – Подставили!

– Зинаида Евдокимовна, давайте разберемся, – предложил он.

– Разберемся, конечно, разберемся ... – угрожающе произнесла она и прервалась. Ей пришло в голову, что происшедшее – это подстава.

– Да, ее подставили, подставили преднамеренно. Но кто? – она посмотрела на Суховой. – Она? Может, но вряд ли ... А, Товаров? Он может. Может! Не, уж-то, решился? Выбрал момент и решился. Ах, ты ...

Она лихорадочно стала соображать, что делать.

– Поговорить с Товаровым? Без толку, он будет все отрицать, ничего не скажет, я и сама бы поступила так ... А, вдруг, это проверка? Ну, да, конечно, проверка! Проверяют ее! Проверяют, как я могу руководить! – она все больше и больше убеждала себя в этом. – Что делать? Делать-то что? ... Надо наказать! Но кого?

– Что будем делать? – обратилась она к ним. – Ну?

– Надо подумать, – ответил, как будто ждал этого вопроса Товаров.

– Он, точно он, – решила она, – Ну, погоди, выкручусь, уж, тогда ...

– О чем? Раньше надо было думать!

– Зинаида Евдокимовна, – примиряющее, не смотря на нее, сказала Суховой, – давайте посоветуемся ...

– И эта туда же, – зло подумала Зинаида Евдокимовна. – Почувствовала, что можно попытаться извлечь выгоду ... А, может, сговорились? Нет, вряд ли ...

– Ладно, посоветуемся, – она поняла, как ей надо действовать: главное, чтобы решение, которое она им предложит, было, решением не ее одной. – Надо повязать всех ...

Она крикнула Томке, чтобы пригласила к ней Афанасьева.

– Зачем? – не выдержала Суховой. – Он же не занимается финансовыми вопросами.

– Да, не занимается, – поддержал ее Товаров.

– Надо! – отрезала Зинаида Евдокимовна.

Она хотела, чтобы Афанасьев был, на всякий случай, свидетелем принятия решения, да, и, дать еще один повод первым заместителям для ревности к нему.

– Но, тогда надо пригласить и Смирнову, – сказал Товаров.

Она действительно забыла про Смирнову, еще одного своего заместителя, забыла, может быть потому, что привыкла с ее вечно соглашающейся с ее, Зинаиды Евдокимовны мнением, позицией. Она, став начальницей, быстро, буквально, в первые дни после своего назначения, пресекла малейшие попытки Смирновой проявить инициативу, высказать собственное мнение. Робкая по натуре, Смирнова от ее крика и оскорблений, сразу съехала, как-то даже стала меньше ростом, и теперь не смела лишний раз без приглашения, даже зайти к ней в кабинет, тем более, если в нем находился кто-либо из сотрудников, предпочитая тихо сидеть в приемной с документами, ожидая ее приглашения

– Да, и Смирнову позови! – крикнула она Томке, полагая, что на этот раз присутствие Смирновой не помешает.

После того, как в кабинет, поздоровавшись с присутствующими, уверенной походкой, как всегда с папкой, вошел Афанасьев, и вбежала запыхавшаяся и испуганная от неожиданного вызова Смирнова, Зинаида Евдокимовна, изложила суть происшедшего.

– Ну, что будем делать? – она обвела взглядом находящихся в кабинете.

Смирнова испуганно молчала, Суховой по-прежнему смотрела в пол, Товаров сидел с отсутствующим видом, как будто его это не касалось.

– Он, точно он! – утвердилась в своем мнении она.

– Зинаида Евдокимовна, – начал Афанасьев, – надо выяснить: почему это произошло.

– Что выяснять! – вспыхнула она. – И так понятно, лодыри и бездельники!

– Кто? – вновь задал он вопрос.

– Кто? – она осеклась, боясь проговориться о своих подозрениях.

– А, действительно, кто? – поддержал Афанасьева Товаров.

– Он еще и ваньку валяет, придуруется, – зло подумала она. – Так я тебе и сказала, что ты!

Она понимала: назови она сейчас Товарова виновником происшедшего, он потребует от нее доказательств. Доказательств, которых у нее, кроме ее убежденности в том, что все это подстроил именно он, нет. А раз нет, значит, она обвинила его, наладившего, как с ней поделились некоторые коллеги-руководители, тесные отношения кое с кем из окружения Коренева, голословно. Получается, что Товаров, сможет использовать это против нее. А там ... – ей стало страшно, капли липкого холодного пота потекли по ее спине, – прощай должность, все, конец!

– Что ты предлагаешь? – обратилась она к Афанасьеву.

– Надо получить объяснения от сотрудников финансового управления, проанализировать их, определить причину и виновного, затем принять меры.

– Эка, хватил, – понимая, что он прав, подумала она. – В другое время я бы так и поступила, но не сейчас. Сейчас, именно сейчас, надо принять меры, показать всем, что она, только она знает как руководить организацией и равных ей нет!

– Конечно, давайте потребуем письменные объяснения, – снова вступил в разговор Товаров.

– Как бы, не так, – злясь на Товарова еще больше, подумала она, – ты, конечно, поможешь им их составить, затянешь время, и в результате выйдешь сухим ...

– Нет, не пойдет, – отрезала она. – Надо решать сегодня!

– Зинаида Евдокимовна, можно пригласить всех финансистов к Вам в кабинет, поговорить с каждым и принять по итогам решение – предложил Афанасьев.

– А он прав, – чувствуя зависть к нему, быстро нашедшего приемлемое для нее решение, поняла она. – Пусть-ка, они попробуют у меня отвертеться! Заодно, посмотрю, как будут вести себя замы... Авось, Товаров и попадетсЯ ...

– Хорошо, но только все присутствующие будут принимать участие в разговоре, – категорично заявила она.

– Зинаида Евдокимовна, – сказал Афанасьев, – разрешите мне не участвовать, много других дел, да, и финансовые вопросы вне моей компетенции.

– Нет, – отрезала она, – дела подождут.

Томка вызвала в приемную всех находившихся на рабочих местах сотрудников финансового управления. Они друг за другом входили к ней в кабинет, многие из них пугались, видя находящихся в нем, отвечали на ее вопросы и выходили, оставаясь в приемной.

– Ну, – когда за последней из них закрылась дверь кабинета, спросила она, – что будем делать?

– Надо подумать, – произнесла, молчавшая все время, Суховой.

– Надо, – поддержал ее Товаров.

– Зачем? – вспылила она, понимая, что ничего против Товарова ей получить не удалось. – Не уже ли и так не ясно?

Все молчали.

– Я решила уволить ... – начала она, соображая кого из сотрудников финансового управления выбрать жертвой.

– Кого? – встрепенулся Товаров.

– Кого? – как эхо повторила Суховой.

Афанасьев и Смирнова, молча, смотрели на Зинаиду Евдокимовну.

– Лариску.

– Колобкову? – неожиданно для нее удивился Афанасьев.

– Да! А, разве, кто-то против? – она обвела всех взглядом.

– Нет, Зинаида Евдокимовна, – поспешно произнесла Смирнова.

– Пожалуй, надо ее, – не спеша, оторвав взгляд от пола, произнесла Суховой. – Ее.

Товаров и Афанасьев молчали.

– Итак, – она решила подвести итог, – Вероника Александровна и Павлина Харитоньевна согласны со мной. А, вы?

– Согласен! – выдохнул, как ей показалось с облегчением, Товаров.

– Нет, думаю наказывать надо не ее, – сказал Афанасьев. – Не она виновата.

Все недоуменно уставились на него.

– Интересно, – подумала она, не успев хорошенько разозлиться на него, – не уже ли он, что-то знает и решил сдать ей ... Но кого? Товарова или Суховой? Скорее всего, Товарова ...

– А кто же виноват? – пытаюсь скрыть появившийся интерес и косясь на Товарова, спросила она.

Все настороженно ждали ответа.

– Вяткина.

– Вяткина? – опешила она.

– Да.

– Почему?

– Зоя Эдуардовна – начальник управления, обязана организовывать работу своих подчиненных, контролировать их деятельность. Она несет ответственность за результаты работы управления.

– Лариска – заведующая отделом, – возразила, тоном не терпящим дальнейших возражений Зинаида Евдокимовна, – ее отдел должен был перечислить деньги в срок.

– Согласен, но сотрудники ее отдела, как мы все только что слышали, во время подготовили платежные документы, она завизировала их и передала на подпись Вяткиной. А Вяткина продержала их у себя, не подписывая, больше положенного, поэтому, получив от нее подписанные ею платежки, сотрудники отдела Ларисы Моисеевны не успели во время передать их в банк. И, потом, не ясно, почему Зоя Эдуардовна так долго держала их у себя, в этом, на мой взгляд, тоже надо разобраться.

– А он прав, – поняла она, – Лариска и ее девки не виноваты, виновата Зойка. Но если виновата Зойка, то тогда частично виновата и она сама, финансовое управление напрямую замыкается на нее, значит, она, Зинаида Евдокимовна, не контролирует, как положено, работу управления! Ну, толстокожий, это я тебе запомню!..

– И что? Предлагаешь все начать сначала? – она намеренно исказила его предложение.

– Зачем? Не надо, – дружно запротестовали Суховой и Товаров, поддержанные кивком головы молчащей Смирновой. – И так все ясно.

– Предлагаю еще раз поговорить с Зоей Эдуардовной, разобраться до конца.

– Да? – произнесла она и задумалась.

– До какого конца? До того, что Зойка скажет, что она продержала платежки, потому, что я послала ее, вместо себя, договариваться о дополнительном финансировании? И я буду крайней? Ну, уж, нет! Дудки! – она злилась все сильнее и сильнее. – Это Суховой с Товаровым должны были отслеживать сроки, а они этого не сделали! Могли бы вместо меня подписать платежки, право такое у них есть ... А если все-таки они сговорились? Нет, Павлина на это сейчас не пойдет ...

Не зная как поступить, она продолжала размышлять. Все молчали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.